

является, но только в беловом списке произведения. Что касается черного текста (рукопись Михайловского), то там имеются строки, в которых, несмотря на прославление Петра I и Екатерины, достаточно явно осуждается время, предшествовавшее воцарению Петра II. Эти ноты недовольства звучат в кантах, не включенных в беловой список. Мы читаем:

Ныне России прииде свобода,
Смутнаго время отбеже погода;
Пристанище бысть паки ей любезно,
ей не слезно!

(5-е явление)

Худые бо лета зараз уидоша,
Щасливы времена скоро найдоша:
Ныне, Россия, красно веселися
и усладися.

(6-е явление)

Из белового списка канты исчезли, видимо, из-за этих строк: в произведении, прославлявшем не столько юного монарха, сколько Петра и Екатерину, они звучали достаточно двусмысленно. Но само их появление говорит о наличии в стенах Академии оппозиционных настроений по отношению к петровскому времени. Что касается Исаакия Хмарного, то мы можем лишь гадать о причинах его недовольства. Скорее всего оно — результат национальной принадлежности поэта, который не мог забыть жесткой политики царя на Украине, хотя и воспринимал в целом деятельность Петра положительно. Во всяком случае именно киевляне первые приветствовали Петра II: Ф. Трофимович пьесой «Милость божия», С. Ляскоронский трагедокомедией, а ученик Киево-Могилянской академии Яков Голяховский в панегирике «Эхо радости, приветство и благодарение из Малыя России» прославлял нового императора за разрешение украинцам вновь избирать гетмана — привилегию, отмененную Петром I.

Несмотря на то что в тексте «Образа победоносия» очень мало ремарок, отдельные реплики действующих лиц дают возможность представить, как они выглядели на сцене и какие совершали действия. Это прежде всего касается аллегорических персонажей, которые в соответствии с теорией школьного спектакля действуют в драме. Фортуна, например, просит обратить внимание на ее одежду, «златом всю кованну, || яхонтами, алмазы предраго звоянну». Марс свою непобедимость демонстрирует тем, что он стоит «недвижим ногами», в руках же, которыми он «свирино поступает» и «страшит», т. е., очевидно, размахивает, держит кровью «сполненный» меч. Реплика Марса о том, что он зрит «со прилежанием, где врага убити, в сердце ли, или в груди, с центру не вступити», позволяет предположить,